

УДК 930.85+27+322

Традиционализм в структуре восточнославянской цивилизации и перспективы кросскультурного диалога Востока и Запада

Н. С. Щёкин, кандидат философских наук, доцент

В статье автор исследует традиционализм как цивилизационный, социальный феномен в контексте развития христианского мира. Особое внимание уделено восточнославянской цивилизации, ее культурно-историческим и религиозным традициям и ценностям. Проанализированы проблемы церковно-государственных отношений и перспективы кросскультурного диалога Востока и Запада.

Ключевые слова: государство, диалог, католичество, православие, религия, традиционализм, традиция, ценности, церковь, христианство, кросскультурный диалог.

Traditionalism in the Structure of Eastern-Slavonic Civilization and Perspectives of Cross-Cultural Dialogue Between East and West

N. S. Shchekin, PhD in Philosophy, Associate Professor

The article represents traditionalism as cultural social phenomenon in the context of development of the Christendom. The main attention is given to the Eastern-Slavonic civilization and its cultural, historical and religious traditions and values. The problems of relations between State and Church and perspectives of cross-cultural dialogue between East and West are analyzed.

Keywords: State, dialogue, Catholicism, Orthodoxy, religion, traditionalism, tradition, values, church, Christianity, cross-cultural dialogue.

Современные глобальные трансформации остро поставили проблему исторического самоопределения восточнославянских народов. Также мы являемся свидетелями протекания тяжелейших процессов взаимодействия двух цивилизаций: западноевропейской и восточнославянской. На наших глазах меняется постиндустриальная парадигма и стратегия инновационного развития современного глобального мира. Еще в большей степени конфликт Востока и Запада приобретает общемировое значение. Обнажилась цивилизационная суть глобального конфликта. Такая цивилизационная парадигма монополизировала ценностные критерии развития любого общества. Наметился конфликт исторического и современного понимания необходимого, жизненно важного. Борьба современности с прошлым обретает форму борьбы цивилизаций, одна из которых олицетворяет модерн, остальные — устойчивую и агрессивную архаику [1, с. 17]. В этой связи можно говорить об экзистенциальной опустошенности и обездоленности большинства новейших «модернизаторов» нынешнего глобального сдвига. Нарушены связи между национальными элитами и населением.

В историческом времени мы можем обнаружить большое разнообразие культур, религий, верований, зачастую парадоксальных и противоречащих друг другу. Но, невзирая на глубокие культурные, ценностные противоречия цивилизаций Востока и Запада, современное состояние развития общества, научные достижения, можно говорить о многовариантности, альтернативности, в конечном счете, о диалоге новых тенденций, структурных механизмов общественной жизни. Более того, можно с полной уверенностью утверждать, что восточнохристианская традиция, потенциал которой безграничен, является равновеликой западноевропейской традиции. Еще полвека назад можно было говорить об антагонизме Востока и Запада по признаку традиционности. Сегодня в странах Востока то, что можно назвать традицией, занимает в обществе статус, аналогичный статусу западной традиции в западноевропейском обществе. Сфера коммуникаций, инновации, экономика являются единой субстанциальной онтологической платформой. А традициям отводится место вне информационного пространства.

* Докторант кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

Западная традиция структурно сформировалась, пройдя все социокультурные этапы: Средневековье, Ренессанс, Реформация, Просвещение. Восточной традиции была уготована иная судьба: гибель Византии, татаро-монгольское нашествие на Руси. Запад исповедует принцип эффективности и меряет свою деятельность критериями практического успеха. Особенностью восточнославянской цивилизации являются сакральный, бытовой, трудовой и иные типы народного опыта, мистическое, а не схоластическое, как на западе, богословие. Восточнославянская цивилизация не знала ни схоластики, ни Ренессанса, ни буржуазных революций, поднимающих из глубин веков демократию греческого полиса и римское право. Любой прогресс был основан на христианском милосердии и снисходительности и требовал морально просветленного восприятия реальности. Именно поэтому достигалась гармония между государством, церковью и народной общиной.

Историческая судьба любого народа — это прежде всего сложная система взаимодействия духовных, материальных социокультурных начал. Развивая мысль об историческом опыте традиционализма восточнославянской цивилизации, необходимо подчеркнуть, что восточнославянская культура и такой сегмент, как государственность, осуществляют исключительно существенную работу по организации единого духовного, социально-коммуникационного пространства, установлению и развитию культурно-цивилизационного диалога Востока и Запада. Исторический опыт свидетельствует, что восточнославянская цивилизация сохранила свои корни, свою самобытность только благодаря традиционализму, то есть приверженности ценностям коллективного выживания. Этот опыт подтверждает, что общественная система восточнославянской цивилизации сохранила свою целостность благодаря сильной централизованной власти и ограничительной системе традиционных ценностей, которые и обусловили баланс личных и общественных интересов. В восточнославянской цивилизации «православная идея возложила на плечи тяжелейшую задачу — быть материальной силой, сохраняющей Церковь, сосредоточиться на Церкви как на своем метафизическом ядре» [2, с. 265]. По сути, идея традиционализма в структуре восточнославянской цивилизации основывается на идее «Православного царства» (христианской империи). В данной системе и заключается исторический и геополитический реализм (традиционализм как социокультурный феномен) восточнославянской цивилизации как носителя большой православной идеи в мире. Так, например, реалии сегодняшнего дня со всей

очевидностью демонстрируют, что «православие имеет свои специфические подходы к проблематике европейской интеграции» [3, с. 121].

Традиционализм восточных славян предстает как социокультурный феномен, историческое значение, сущность которого является духовным ядром восточнославянской христианской цивилизации. Ведь, по сути, речь идет не о пересмотре фундаментальных основ современного мира. Главным фактором, характеризующим традиционализм как культурное явление, в данном контексте является особенность социальной и исторической памяти, направленной на защиту духовных устоев, имеющей тенденцию оживать в период социальных кризисов. Собственно традиционализм у восточных славян является императивом мощной государственности, способной выживать в крайне жесткой геополитической среде. Важно отметить, что оболочка государства в восточнославянских цивилизациях, если она лишается исторической памяти, интегрирующей идеи, ценностных оснований, не является надежной опорой и в любой момент может рухнуть. Именно традиционализм сформатировал сакральность государства и государственной власти. Отсюда проистекает одна из серьезных современных проблем христианских церквей в мире, и в особенности православия. Существование православной церкви всегда было связано с государством, со светской властью, с задачами государственного строительства.

В этой связи необходимо остановиться на понятии традиционализма и предпринять попытку выявить его особенность в контексте восточнославянской цивилизации, православного ореола. Интерес к проблеме традиционализма связан, на наш взгляд, с двумя обстоятельствами. Первое заключается в динамике социальных изменений, которые привели к современной западной цивилизации. Второе — это обнаружение европейцами в своей повседневной жизни других культур, традиций, что остро обозначило проблему относительности собственной культуры. Так как традиции носят исторический характер соответствующих обществ, то они представляют некую фиксированную форму определенной социальной группы. И если рассматривать традиционализм в данном контексте, то становится очевидной несовместимость, противоположность нововведениям, инновациям. В большей степени такое состояние вещей обусловлено тем, что сами традиции стали восприниматься скорее эмоционально и противопоставляться любому интеллектуализму. А фрагментарность современной культуры, смешанность чужеродных традиций, всепроникающий либерализм в восприятии в целом исторического опыта различных народов стре-

нительно приводит к стагнации интеллектуального развития.

Основателем теории традиционализма является Р. Гёнон, который раскрывал ее суть следующим образом: духовная, сверхчеловеческая сущность Единой Традиции, детерминированной конкретными историческими культурами. Чаще всего традиционализм определяют как «преувеличение роли традиции в науке, искусстве, вере, обычаях и нравах» [4] либо, в упрощенном варианте, как «приверженность старым традициям» [5]. Более того, традиционализм религиоведы обычно обозначают понятием «религиозный фундаментализм». На наш взгляд, религиозность не обязательно связана с традиционализмом и фундаментализмом. Ведь многие верующие в современном мире, идя в ногу с прогрессом, без труда сочетают инновационное развитие с традиционными ценностями. Что касается либеральных реформ, а также постмодерна как социокультурного феномена, необходимо остановиться на существенном, на наш взгляд, моменте. Постмодерн как таковой противопоставляет себя традиционным ценностям, так как у него нет системы ценностных координат. Это всего лишь реакция на порожденные модерном социальный релятивизм и либерализм.

Традиционализм скорее отстаивает цивилизационное многообразие, не нарушая его ментальных границ. Утверждает универсальность принципов цивилизации, неизвлеченность из эмпирических данных, носящую метафизический и неисторический характер. Потому термин «цивилизация» в этом случае следует употреблять в единственном числе. А вопрос о количестве цивилизаций можно напрямую связывать только с прогрессом человечества. Появление новых социальных институтов, культурных форм следует рассматривать как замещение либо восполнение утраченных духовных возможностей и культурного потенциала. Новые религии, цивилизационные и культурные различия являются плодом воображения современного человека, проявлением его чувств. И совместить социальные функции, в том числе религии, с определением целей, четким видением будущего они не в состоянии. Человек, впрочем, здесь уместно говорить и о культурах, жертвует своим жизненным миром.

Кроме того, традиционализм представляет своеобразный путь примирения традиционных конфессий. Даже с точки зрения противостояния глобальному миру традиционалистская система оценок, например, иудаизма является союзником в борьбе за сохранения традиционных ценностей. Требовать от христианства и в целом христианской цивилизации сбросить с себя «оковы» тради-

ционализма, то есть приверженность своим духовным корням, то же самое, что уподобиться Иуде и продолжать жить в иллюзорном, чуждом себе мире. Как пишет М. Элиаде, анализируя взаимоотношения между мифологическим мышлением и христианством, данную проблему можно сформулировать следующим образом: «Если христиане отказались видеть в своей религии десакрализованный миф эллинистической эпохи, то каково отношение христианства к живому мифу первобытных и традиционных обществ? Мы увидим, что христианство, как его понимали и переживали почти две тысячи лет, не может быть полностью отделено от мифологического мышления» [6]. Данное утверждение — это, конечно, иллюстрация всего лишь одной из множества сторон христианского мира. Однако оно наглядно демонстрирует невозможность восприятия и понимания целостности бытия в достоверности христианства без корней традиционализма и глубокого осознания особой, неповторимой исторической роли традиционализма. Ведь его возникновение связано прежде всего с особенностями определенного типа социальной и исторической памяти. Это навыки и обычаи, устойчивые традиции, весь спектр исторических ценностных ориентиров.

Общепринято утверждать, что традиционализм проявляется в обществах с пониженной социальной динамикой, эмоционально окрашен, мифологизирован, консервативен, таким образом, противопоставляется настоящему. Традиционализм — это формулирование традиционной рациональности, это философская система с определенной, отличной от конвенционального мышления, логикой. «Настало время, — пишет Р. Гёнон, — показать, что в религии есть нечто помимо сентиментального обожания, нечто помимо моральных предписаний или утешений для тех, чей дух ослаблен страданием; что в ней можно найти „твердую пищу“, о которой говорит апостол Павел в Послании к евреям» [7, с. 33].

Само формирование человеческого общества стало возможным благодаря появлению традиций. Более того, вполне можно утверждать, что никакой социум исторически, никакая цивилизационная парадигма не имели бы жизненных предпосылок, если бы традиционализм как традиционная реальность не обуславливал регулирующие механизмы познавательного опыта. Так, при всей вариативности локальных культов представления о базовых человеческих ценностях в традиционных религиях удивительным образом совпадали.

Единого христианского мира давно уже не существует. И речь не идет о 1054 г. как о точке отсчета разделения христианского мира. История

христианства не выглядит такой уж безоблачной. Разногласия, расколы, противоборства, зачастую завершающиеся религиозными войнами, сопровождавшими развитие христианства. Иногда эти разногласия имеют комический характер. Так, Б. Рассел с нескрываемой иронией рассказывает, как в Англии «отменили ад»: «В нашей стране, как вы знаете, вера в ад перестала считаться необходимой частью христианского вероучения в силу постановления Тайного Совета. Правда, архиепископ Кентерберийский и архиепископ Йоркский не признали этого постановления, но в нашей стране официальная религия устанавливается законами, принимаемыми парламентом, и поэтому Тайному совету удалось взять верх над их светлостями и вера в ад перестала считаться обязательной для христиан» [8, с. 96–97]. Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что подобная разногласия в христианском мире не была чем-то новым и во время генезиса самой религии. Тому были вполне объективные причины, как объясняет это И. С. Свенцицкая: «Обилие же направлений в раннем христианстве, острота споров между их приверженцами свидетельствуют о том, что ни одно из этих направлений не могло удовлетворить всех духовных потребностей населения» [9, с. 326].

Устремляя свой взор на историю православной церкви, мы также можем увидеть весьма неоднозначные факты. Если обратиться к исторической судьбе православной церкви и к православию как цивилизационному феномену, то на первый взгляд православная церковь может претендовать на глубокую традиционность. Это и учение, и литургия, и традиционные символы. С процессом христианизации возникает своеобразный духовный и культурный феномен, характеризующийся взаимным проникновением и взаимодействием греческого и славянского начал. В результате сформировалось двуязычие, которое стало фактором бытового общения и культурной жизни [10, с. 10].

Если обратиться к судьбе восточнославянской цивилизации, то православная церковь может претендовать на статус подлинно традиционной. Восточнославянские племена и союзы не только не растворились в окружающих этносах, но и обрели самобытные черты. Славянская этнокультурная форма довольно быстро наполнилась культурно-историческим содержанием, которое впоследствии явилось благоприятным условием для восприятия будущей новой религии. В эпоху Древней Руси, а позже Московии и России появилась возможность культурного заимствования — вначале у болгар (церковнославянский язык, иконопись, архитектура) и византийцев, греков, а позже у западных

европейцев (философия, схоластика). Эта возможность и способность к культурному и религиозному заимствованию в сочетании с имманентной потребностью в обновлении образа жизни положила начало восточнославянской христианской цивилизации.

Язычество славян при всем своем антагонизме христианской Византии сумело синтезировать в себе духовные ценности Византии. Восточная форма христианства была востребована славянским субстратом. При этом христианство сохранило греко-латинские и византийские черты. Существенной мотивацией нахождения общих точек соприкосновения во многих сферах жизнедеятельности между Константинополем и славянами явилась относительная схожесть последней модификации славянских анимистических воззрений, волхвований и синкретических элементов христианской веры и культа. В результате на византийской почве у славян впоследствии возникло двоеверие. Анализируя социальную обстановку в контексте восточнославянской цивилизации, необходимо отметить, что православное мировоззрение способствовало пересмотру всего социального строя на Руси. Характерная для Византии социальная триада (духовная, государственная и хозяйственная жизнь) была экстраполирована на древнерусское общество, существующее в иных социокультурных условиях и обладающее новыми потенциями динамики. Православие явилось не только ядром аккумуляции социокультурных и религиозно-исторических традиций, но и механизмом объединения как этнически-русского имманентного духа, так и всей восточнославянской цивилизации.

Особо необходимо отметить, что становление белорусской государственности проходило в контексте насыщенных цивилизационных и исторических условий под непосредственным влиянием и Русской Православной Церкви, и Римско-католической церкви. Современная территория Беларуси была в значительной степени подвержена либеральным настроениям христианской Европы, что напрямую отражалось на ее социально-экономическом и политическом развитии. В исторической практике на белорусских землях существовали различные модели и формы взаимоотношений государства и Церкви: основанные на взаимном сотрудничестве (симфония); на зависимости и подчинении Церкви государственной власти, сопровождающихся вмешательством в церковную жизнь. Известны и конфронтация, и попытки церковной иерархии добиться усиления власти и главенства в обществе [11, с. 73].

В то же время средневековая христианская традиция обнаружила инновационные формы жизнедеятельности, социально-исторические альтерна-

тивы. С самого начала Римской империи предстояло столкнуться с новыми цивилизациями, социокультурными и религиозными формами жизни. Ярким примером приобщения греческого и римского мира к эллинистическим и неэллинистическим религиям и суевериям была эпоха царствования императора Гелиогабала (218—222). Данную эпоху следует охарактеризовать как «смещение верований» [12, с. 325]. Построив личную часовню, в ней он установил статуи Авраама, Орфея, Аполлона Тианского и Христа. Именно такое смещение верований, на наш взгляд, предопределило культурные формы христианской цивилизации и, что более значимо, наличие конфессионально-этнических факторов в развитии христианского мира. В дальнейшем развитие христианства было обусловлено вторжением варваров (V в.), испытавших влияние азиатского и иранского мира, восточных культур и греческой цивилизации. Таким образом, христианство, как отмечал Арнольд Тойнби, социально насыщаясь, по своей внутренней организации и по своей обращенности в будущее стало характеризоваться как «историческая» религия [13, с. 222], выявляя в себе традиционное и инновационное как альтернативы в динамике христианской цивилизации. В свою очередь, стремительно набирающая силу церковь смогла аккумулировать весь предшествующий опыт и стать своеобразным хранителем цивилизации.

К инновационной стороне деятельности церкви как социального института можно отнести преобразование ею этническо-языческой Европы в религиозно-культурный исторический тип цивилизации в соответствии с принципами христианского мира. Это и перемены в отношении к труду (ориентация на хозяйственную деятельность), и разработка основных теологических доктрин и принципов (прежде всего это относилось к литургии, Священному Писанию и т. д.).

Отношение между церковью и государством сводилось к концепции «двух мечей». Бог вложил в руки церкви меч духовный, а в руки императора — меч светский. Осуществился своего рода союз церкви и феодального государства, который был характерен для многих веков. Получение из рук франков светской власти превратило пап и церковь в целом в участников политического процесса. Вскоре церковь не мыслилась в отрыве от права, норм, принятых в западноевропейских государствах. Со временем общество церковников выработало для себя собственное право, становившееся все более обособленным. Таким образом, европейский христианский мир разделился. Во главе его стояли папа и государь. Между «духовной» и «земной» властью неминуемо разворачивался конфликт. Шла

апробация новационных социально-исторических, идеологических, культурных, религиозных цивилизационных парадигм.

Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что наряду с внешним расколом (1054 г.) происходили внутриевропейские христианские коллизии, что позже привело к реформационному движению и структурно изменило историческую динамику христианской Европы. Империя к этому времени уже утратила то положение, которое она занимала в эпоху Гогенштауфенов. Перенос папской резиденции в начале XVI в. Бонифацием VIII в Авиньон окончательно расколол христианский Запад. В самой церкви постоянно возникали внутренние разноспектральные течения, обусловленные активным диалогом старой христианской традиции и научными и культурными достижениями современности. Наряду с этим церковь пыталась бороться за приоритет церковного перед государственным. В этом отражается старая традиция положения церкви в средневековом обществе, когда государство осознавало себя как государство христианское. Таким образом, все сферы жизнедеятельности были пронизаны духом Католической церкви. Нельзя не согласиться с Томасом Вудсом, что «после падения Рима именно Католическая церковь возродила цивилизацию и обеспечила ее развитие» [14, с. 16].

Новое время — это время зарождения либерализма. Постулирование свободы как априорной ценности, свободы как самоцели, находящейся вне рамок нравственного выбора. Тревожные признаки в развитии европейского общества нового времени стали более явными. Научное развитие в обществе стало опережать нравственное развитие. Духовный мир обнаружил новые, совершенно иного рода альтернативы христианскому миру. Нельзя не согласиться с мнением Ю. Симонова, который говорит о религии либерализма и сравнивает глубину и разнообразие этой «религии» с другими, давно существующими, например, с христианством» [15, с. 145]. Либерализм из культа свободы и творчества превратился в культ эгоизма, силы, вседозволенности и богатства.

С тех пор многое претерпело существенную трансформацию. История христианского мира раскрыла и перспективы социальной динамики через диалог как единственную форму достижения устойчивого развития, и опасные тенденции, ведущие к хаосу. Как сказал протоиерей Александр Мень: «В результате трудных испытаний Церкви с неба был дан великий дар — и вы не улыбайтесь, дар этот — атеизм. Воинствующий атеизм и все антихристианские движения. Случилось бы самое страшное для Церкви, если бы этих движе-

ний не было, если бы не было атеизма. Боюсь, тогда действительно христианский мир задушили бы атеисты, имеющие облик христиан. Я имею в виду всяких „великих инквизиторов“» [16, с. 602].

Сегодня в принципиально новых социокультурных, цивилизационных условиях возникает необходимость усвоения того потенциала духовных ценностей, который несет в себе христианство как цивилизационный феномен. Важное значение приобретает социально-философское осмысление того, что представляют собой в контексте христианской традиции духовные ценности общества, каково их соотношение и механизмы взаимодействия с ценностными ориентациями современного секуляризованного общества. Это значительно активизирует поиск путей обогащения сложившейся духовной и социокультурной ситуации ценностными императивами, основанными на традициях религиозной культуры.

В этой связи особое значение приобретают перспективы кросскультурного диалога Востока и Запада и чрезвычайно актуализируется задача христианской модели социального развития, которая учитывала бы системный кризис техногенной цивилизации, исторический опыт прошлого и кросскультурное взаимодействие как восточнославянских народов, так и конфессиональных парадигм христианского мира. Существенной стороной такой модели является осмысление христианских традиций (восточнославянских и западных), современных ценностных приоритетов, которые выражают социокультурный код и менталитет народов.

Национальные ценности в христианском мире в целом, в новоевропейской культуре и в восточнославянской цивилизации вступили в полосу разрушительных мутирующих ценностных процессов целых национальных обществ. Произошел разрыв между современным индустриальным обществом и ценностями, регулирующими жизнедеятельность социума. Модернизация разрушила господство традиции и дух коллективизма. Прозрачнее становится видение того, что ценности этнонациональных общностей эффективно регулируют социально-экономическую деятельность. Следовательно, и кросскультурный диалог Востока и Запада становится все более актуальным. В условиях неизбежной цивилизационной трансформации, деструктивных изменений как на Востоке, так и на Западе все больше обращают свой взор на такую социальную систему, которая обеспечивала бы устойчивость и сохранение мира. Без традиций, которые выступают в качестве стального легированного стержня национального

самосознания, обеспечить целостность общества не представляется возможным.

Таким образом, перспективы кросскультурного диалога Востока и Запада видятся в бережном отношении к традициям, формирующим цивилизационную основу жизнеустройства общества, сохранение национальной культуры. Можно с полной уверенностью утверждать, что на сегодняшний день цели по актуализации ценностных ориентиров у восточнославянской и западноевропейской цивилизаций совпадают. Только традиции (религиозные, культурные, социальные) несут в себе ценностную парадигму, создающую условия для появления чувства сопричастности к делам общества и ощущения неповторимости и целостности социального мира.

Список цитированных источников

1. *Панарин, А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. — М., 2002.
2. *Кирвель, Ч. С.* Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр. / Ч. С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч. С. Кирвели. — Гродно, 2008.
3. *Данилов, А. В.* Место христианства в европейском интеграционном процессе. Перспективы православной церкви в структурах объединенной Европы // Посткоммунистическая Беларусь в процессе религиозных трансформаций / под ред. А. В. Данилова. — Минск, 2002.
4. *Философский энциклопедический словарь.* — М., 1997.
5. *Большой словарь иностранных слов* / сост. А. Ю. Москвин. — М., 2003.
6. *Элиаде, М.* Аспекты мифа / М. Элиаде. — М., 2005.
7. *Генон, Р.* Реформа современного сознания / Р. Генон // Символы священной науки / Р. Генон. — М., 1997.
8. *Рассел, Б.* Почему я не христианин / Б. Рассел // Избр. атеист. произведения. — М., 1987.
9. *Свенцицкая, И. С.* Раннее христианство: страницы истории / И. С. Свенцицкая. — М., 1987.
10. *Щёкин, Н. С.* Самосознание белорусского христианского мира в цивилизационной динамике исторического развития / Н. С. Щёкин // Весн. Брэсц. ун-та. — 2008. — № 4 (35). — С. 8—13.
11. *Щёкин, Н. С.* На пути к «симфонии властей» / Н. С. Щёкин // Беларус. думка. 2014. № 9. — С. 70—75.
12. *Рассел, Б.* История западной философии / Б. Рассел. — Ростов н/Д, 1998.
13. *Тойнби, А.* Христианское понимание истории / А. Тойнби // Философия истории: антол. — М., 1995. — С. 220—232.
14. *Вудс, Т.* Как католическая церковь создала западную цивилизацию / Т. Вудс. — М., 2010.
15. *Симонов, Ю.* Либерализм и христианство / Ю. Симонов // Новый мир. — 1999. — № 2. — С. 141—152.
16. *Мень, А.* Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы / А. Мень. — М., 1995.

Дата поступления в редакцию: 18.10.2014 г.